

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26
Оригинальная исследовательская статья
Original research article

Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России

А.А. Аузан

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

В статье исследована проблема влияния коллективизма и индивидуализма как культурно-ценностных характеристик на институциональную систему страны. Исследования социокультурной специфики на региональном уровне демонстрируют наличие в России двух четко выраженных культурных ядер: индивидуалистской России (И-России), включающей мегаполисы, Урал, Сибирь и Дальний Восток, и коллективистской России (К-России), охватывающей остальные территории страны. Приверженность разным культурным моделям создает определенные проблемы для институционального строительства. И-Россия создает спрос на институты демократии и свободного предпринимательства, тогда как К-Россия ориентирована на институты социальной защиты и государственной поддержки. Противоречивость этих запросов приводит к формированию слабой институциональной среды и необходимости ручного управления со стороны власти. Но оба культурных ядра при условии медиации и диалога между ними могут способствовать модернизационным процессам. В качестве решения проблемы культурного раскола предлагается концепция трех «Д» (ЗД): долгосрочный взгляд, доверие большинству людей и договороспособность. Особое внимание уделяется формированию долгосрочного взгляда как основы для развития доверия и способности к достижению договоренностей. Система ЗД направлена на преодоление разрыва между культурными ядрами путем налаживания эффективного диалога между носителями различных ценностных установок, что должно способствовать формированию коллаборативных институтов, обеспечивающих устойчивость социального и экономического развития.

Ключевые слова: социокультурная экономика, институциональная эффективность, социальное развитие, модернизация, культурный

код, ценностные ориентации, культурный раскол, доверие, договороспособность.

Аузан Александр Александрович – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

auzan@inp.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6974-2289>

Для цитирования: Аузан А.А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 11–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26

Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia

A.A. Auzan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the influence of collectivism and individualism as cultural and value characteristics on the country's institutional system. Studies of sociocultural specifics at the regional level demonstrate the presence of two distinct cultural cores in Russia: individualistic Russia (I-Russia), which includes metropolitan areas, the Urals, Siberia, and the Far East, and collectivist Russia (C-Russia), covering the remaining territories of the country. Adherence to different cultural models creates certain challenges for institutional building. I-Russia generates demand for institutions of democracy and free enterprise, while C-Russia is oriented toward institutions of social protection and state support. The contradictory nature of these demands leads to the formation of a weak institutional environment and the need for manual control by the authorities. However, both cultural cores can contribute to modernization processes given mediation and dialogue between them. As a solution to the problem of cultural division, the concept of three D's (3D) is proposed: development of long-term perspective, development of social trust, and development of consensus-building capability. Special attention is paid to developing a long-term vision as a foundation for building trust and the capacity to reach agreements. The 3D system aims to bridge the gap between cultural cores by establishing effective dialogue between holders of different value systems, which should contribute to the formation of collaborative institutions ensuring sustainable social and economic development.

Keywords: sociocultural economics, institutional effectiveness, social development, modernization, cultural code, value orientations, cultural division, trust, consensus-building capability.

Alexander A. Auzan – D.Sc. in Economics, Professor, Dean of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

auzan@inp.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6974-2289>

For citation: Auzan A.A. (2024) Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 11–26.
DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26

Введение

Каждая страна имеет свой культурный код, сложившийся под влиянием религии, истории, языка, климата, других факторов. Культура влияет на экономическое развитие, хотя и не детерминирует его. Она может тормозить или стимулировать экономическое развитие, что позволяет трактовать совокупность социокультурных факторов как социальный и культурный капиталы. Исследованием этих процессов занимается социокультурная экономика, являющаяся перспективным направлением современной науки.

На благосостояние стран воздействуют не только технологии, наличие или отсутствие ресурсов, но и ценности, поведенческие установки, которыми руководствуются люди. Одной из принципиально значимых в этом аспекте характеристик общества служит соотношение коллективизма и индивидуализма, которое проявляется как в мировоззрении, так и в поведенческих моделях.

В методологию исследований глубинных культурных и ценностных оснований экономического поведения людей значительный вклад внесли нидерландский социолог Герт Хофстеде, предложивший систему показателей для сравнения ценностных ориентаций различных сообществ [Hofstede 1993; Hofstede 2001], и израильский социальный психолог Шалом Шварц, автор теории кросс-культурного анализа ценностей [Schwartz 2006; Schwartz 2014]. Указанные подходы на протяжении долгого времени составляют часть методологической базы отечественных исследований, а потому претерпели ряд дополнений и адаптаций, естественных и для развития науки в целом, и для отражения российских особенностей.

Согласно позиции Г. Хофстеде, индивидуализм проявляется в сообществах, в которых каждый заботится только о себе и ближайших родственниках. Однако, если говорить о нашей стране, то более репрезентативным оказывается иной ракурс. Советский и российский писатель Д.А. Гранин утверждал: «В России можно сделать очень многое, если не спрашивать разрешения». В этом, как нам видится, различия между индивидуализмом и коллективизмом прослеживаются особенно четко: если индивидуалист действует, не обращаясь за разрешением других лиц, то действие «идеального» коллективиста будет невозможным без санкции референтной группы или лица, в частности начальника, духовного авторитета, семьи.

Такая черта, на первый взгляд представляющаяся негативной, отнюдь не несет в себе коннотации слабости, неспособности принимать решения, а напротив, как это часто бывает, имеет сильную сторону, представляя собой социальное преимущество. Ю.М. Лотман писал о культурном архетипе «отдания себя», который проявляется в готовности пожертвовать, инвестировать в проект, идею, движение, город, страну [Лотман 1993], что и составляет в большей мере сущность коллективного.

В этом контексте практический и исследовательский интерес представляют следующие вопросы. Каково соотношение индивидуалистского и коллективистского в России? Является ли это соотношение уникальным по сравнению с другими странами мира? Как оно влияет на общество? Какие стратегии могли бы стать полезными для общественного развития?

Проблема усреднения данных

Согласно международным исследованиям [Green et al. 2005], Россия имеет медианные значения индивидуализма, несколько смещенные в направлении коллективизма. Такую оценку можно трактовать двумя способами: либо и индивидуалистские, и коллективистские черты проявляются в поведении каждого индивида, либо в стране живут разные люди. Полевые исследования об определении социокультурных факторов, влияющих на инновационные процессы, проведенные Институтом национальных проектов и Российской венчурной компанией в четырнадцати регионах с 2018 по 2020 год, дали неожиданные результаты [Антонов и др. 2019; Аузан и др. 2020; Брызгалин, Никишина 2020; Бахтигараева и др. 2021]. Один из «побочных» выводов оказался

принципиально важным для гуманитарной науки, для социально-философского осмысления нашего общества в целом.

Речь идет о фиксации двух культурных ядер, имеющих четкую географическую привязку: И-России (индивидуалистской) и К-России (коллективистской). К первой относятся все мегаполисы, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Столицей российского индивидуализма выступает Сахалин. Развитие индивидуализма происходит, если человек отделяется от своей привычной общины, сообщества. Это может быть связано с релокацией: либо при переезде в большой город (чем больше город, тем сильнее разрушение такой «родовой» связности), либо в процессе поселенческого освоения новых земель. Чем дальше уходят люди, тем в большей степени они действуют, «не спрашивая разрешения». Развитие индивидуалистского сознания предполагает иной способ решения жизненных вопросов. В результате формируется спрос на новые институты, отличающиеся от эффективно работавших в обществе коллективистов.

Корни коллективистских институтов остались в двух видах: традиционном, т.е. в национальных республиках, и «самозащитном», т.е. во многих бедных районах. Например, в Дагестане нами обнаружена самая низкая дистанция власти, что определено именно коллективистским, клановым характером социума. Через родовые связи практически каждый индивид, гражданин чувствует свою близость к власти любого уровня, в том числе и федерального, на который ощущение сопричастности распространяется, скорее, подсознательно, чем в действительности. Коллективизм также силен в депрессивных регионах, поскольку обеспечивает условное «хеджирование», дает страховку в трудных ситуациях в виде заботы о близких, взаимной поддержки. На территориях, на которых разрушена прежняя экономика, люди выживают за счет взаимной поддержки. Более того, они не уезжают, поскольку боятся потерять ее, утратить т.н. кокон, в котором они способны обеспечить собственную жизнь и жизнь следующего поколения.

Коллективистская культура, несмотря на некую традиционность, не подразумевает обязательной ретроградности. Известен тот факт, что восточно-азиатские модернизации – это модернизации, основанные на коллективистских типах [Аузан, Келимбетов 2012]. Они были успешны, потому что использовали некоторые специфические особенности коллективистских

культур. Например, представители индивидуалистической культуры воспринимают необходимость общения с пятью-семью людьми как издержки. В восточной культуре такое общение воспринимается иначе. Мы понимаем, что на восточном базаре два часа люди находятся в диалоге, хотя один не собирается продавать, а второй не собирается покупать, т.е. речь идет о роскоши человеческого общения. В результате такой сдерживающий фактор, как издержки коммуникации, не работал при восточно-азиатской модернизации и позитивно сказался на экономических результатах.

Академик В.М. Полтерович в 2023 году сделал доклад, посвященный недостаткам общества конкуренции и достоинствам коллаборации [Полтерович 2023], в котором на основе расчетов индексов и дифференциации стран за определенные периоды выявил, что коллаборативные институты дают нарастающие преимущества. В этом докладе утверждалось, что можно говорить о т.н. счастливой семерке, в которую входят Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды. Перечисленные страны занимают лидирующие позиции в индексах удовлетворенности жизнью, качества жизни, уровня гражданской культуры и эффективности институтов. К ним приближены Австрия и Германия, институциональная система которых отличается от англосаксонской: институты в них основаны на других принципах, конкуренция признана, но отсутствует как доминанта [Полтерович 2022]. Институциональная система России оказалась далеко не самой эффективной именно вследствие описываемого культурного раскола по линии «индивидуализм – коллективизм». Наличие двухъядерной системы представляет собой существенную проблему для страны, особенно в аспекте управления и стратегической государственной политики.

Формирование индивидуалистских и коллективистских паттернов в России – результат сложного исторического процесса. Модернизация в нашем государстве эпохи правления Петра I принципиально иная, чем модернизация советского периода. Тем не менее коллективистское советское общество имело элементы индивидуализма, постепенно вызревало в формах институтов самоорганизации, что привело к перестройке и реформам 90-х годов XX века. Волна индивидуализма захлестнула общество, но ее доминирование опять-таки не приобрело тотального характера.

Помимо географического и исторического факторов, на выбор ценностей индивидуализма/коллективизма среди россиян

вливают социально-демографические характеристики, в отношении которых также наблюдается дифференциация. Например, у новоприбывших в мегаполис сохраняются еще бондинги, например в виде землячества, т.е. не утрачиваются К-характеристики. У тех, кто долго прожил и имеет опыт разнообразных бриджинговых взаимодействий, возрастает индивидуализм, уменьшается дистанция власти, снижается избегание определенности. Иными словами, можно говорить о некотором социально-историческом процессе и отсутствии непреодолимого разрыва катастрофического характера. Приведенный тезис подтверждается сравнением с мировыми данными и нашими региональными исследованиями, которые показали, что такие фундаментальные факторы как, например, религия, исторический опыт крепостного права, определяют различия на минимальном уровне. Нация сложилась, и поэтому описываемые различия все-таки остаются в рамках общей характеристики.

Ценностный разрыв и спрос на институты

Вместе с тем проблема «разорванных» стран науке ранее известна. Такие страны, подвергаясь экспансии мощного молодого Запада, отстаивали суверенитет за счет перехвата управленческой, военной, технологической культуры и в итоге обрели, согласно С. Хантингтону, два культурных ядра [Хантингтон 2003, 210–237]. О такой структуре можно говорить применительно к Японии в эпоху Мейдзи, России в период реформ Петра I, Мексике в годы революции (1910–1917), Турции во время кемалистских реформ.

Ценностные установки формируют спрос на институты. Без спроса со стороны общества даже формально созданные институциональные структуры останутся нерабочими [Аузан 2014, 132–133]. В основной части России отмечается низкий спрос на институты западного образца. Наблюдаются практики неформальных связей, решения проблем через знакомых, что считают нормальным для К-России.

Климатические условия, а значит, и особенности ведения сельского хозяйства, веками влиявшие на социальный уклад, вынуждали русских решать такие же задачи, что и у европейцев, но за вдвое более короткий срок. Этим вызвано и иное отношение к вероятности достижения результата и появлению уникальных культурно-цивилизационных категорий «авось» и

«небось», отражающих не только высокий уровень избегания неопределенности, но и готовность к крайнему риску. Сегодня это находит отражение в моделях финансового поведения: люди проявляют, с одной стороны, крайнюю консервативность и избегание рисков, с другой – склонность к очень высокому риску и участию в головокружительных авантюрах, поскольку «авось» да «небось» встроены в культурный код. На Востоке долгосрочная ориентация сочетается с маскулинностью, отсутствующей у нас. Поэтому необходимо искать путь модернизации по-русски, учитывая высокую дистанцию власти, избегание неопределенности, феминность, долгосрочную ориентацию и склонность к краткосрочной мобилизации.

Двухъядерная культура – культурно-цивилизационная характеристика. Византийская традиция, как известно, принципиально повлиявшая на развитие Руси, в отличие от западно-римской, оказалась устойчивой, поскольку сочетала европейский источник индивидуалистической культуры (греческое и римское наследие) и опыт Востока. Но каковы недостатки двухъядерной структуры? Основной из них заключается в том, что культура – это источник спроса на те или иные институты, те или иные системы правил и механизмы принуждения. Каждое из культурных ядер генерирует свой уникальный запрос. В результате такого разрыва в обществе проявляется пониженный уровень доверия, что создает принципиальную угрозу оптимальному развитию. По исследованиям французских экономистов [Algan, Cahuc 2014, 87], пониженный уровень доверия приводит к тому, что Россия теряет примерно треть валового внутреннего продукта на душу населения. Иными словами, если бы уровень обобщенного доверия в России был таким, как в Швеции, то показатель ВВП на душу населения превосходил бы текущий уровень на 69% (см. подробнее: [Аузан 2022, 136–155]).

Связано это с тем, что И-Россия предъявляет спрос на институты демократии, свободное предпринимательство, модернизацию. К-Россия предъявляет спрос на институты социальной защиты, перераспределения, государственной поддержки. Два сигнала поднимаются, происходит аннигиляция, и в результате рождается слабая институциональная среда, которая требует со стороны власти ручного управления, лавирования между К-Россией как политической опорой, основным источником электоральной поддержки и И-Россией как источником реали-

зации проектов развития. Это два мотора, каждый из которых способен обеспечить модернизацию, но которые в современных условиях, скорее, работают один против другого, а значит, необходимо искать пути медиации и диалога [Давыдов 2024]. В данном направлении уже известны некоторые достижения.

В поисках институциональной эффективности

На основе идей В.М. Полтеровича можно предположить, что существует пороговое условие эффективности того, чтобы все институциональные механизмы раскрывались и нормально функционировали, т.е. необходима культурная трансформация, конвергенция. Речь идет о некоем основании для развития диалога между И-Россией и К-Россией. Таким основанием нам представляется культура трех «Д» (ЗД) – долгосрочный взгляд, доверие большинству людей, договороспособность.

Для России, как, например, и для Франции, не очень характерен долгосрочный взгляд. Это, видимо, связано с многократными революциями, повторяющимися глубокими социальными потрясениями, из-за которых у людей формируется страх перед будущим, а значит, и защитный паттерн сохранения статус-кво, «короткий взгляд», и большая дистанция власти. Институциональный диалог при таких вводных оказывается затруднительным, поскольку выгоды кооперации чаще всего раскрываются именно в многоэтапном взаимодействии, что, конечно, требует долговременного планирования. Если в обществе доминируют ценности, ориентированные на долгосрочную перспективу, формируется реальный спрос на качественные институты, поскольку их создание требует долгосрочных инвестиций и готовности к издержкам.

Второй связанный фактор – доверие большинству. Мы опирались при этом на разработки французских экономистов Я. Алгана и П. Каюка, проводивших исследование того, как с 1930 по 2000 год изменялись измеряемые культурные характеристики по поколениям эмигрировавших в США, и сравнили их с соответствующими поколениями в странах исхода [Algan, Cahuc 2010]. Им удалось количественно доказать эффект воздействия культуры на экономику. Оказалось, что самый сильный действующий фактор – это доверие большинству, то, что социологически выглядит как положительный ответ на вопрос о том, «можно ли доверять большинству людей».

И, наконец, третий фактор – договороспособность. Доверие может быть устроено структурно по-разному. Каким образом

устроено доверие в К-России? Это бондинговый¹ социальный капитал, который условно раскрывается в том, что «омские» дружат против «красноярских», а все вместе дружат против «московских». Каким образом устроено доверие в И-России? Это в большей степени бриджинговое² доверие, не связанное со своими и чужими. Вместе с тем чрезвычайно высоки издержки достижения согласия, поскольку каждый считает свою идею правильной, а компромисс – проявлением слабости. Если все решилось компромиссом, все разошлись недовольными. Если все разошлись гордыми и довольными собой, то ничего не сделали. Двухъядерность культуры, возможно, служит ключом к пониманию недоговороспособности, носители И-ценностей и К-ценностей по-разному понимают обязательства. В индивидуалистической культуре механизм обеспечения обязательств связан или с поддержанием репутации, или с формальной институциональной структурой: правоохранительными органами, судами, адвокатами и т.п. В коллективистской культуре на первом плане находятся авторитеты. Эти механизмы плохо совместимы, поэтому возникает общее ощущение ненадежности.

Основная задача, которая ставится при разработке и внедрении системы 3Д, сводится к сближению двух культурных ядер, выстраиванию качественной коммуникации между носителями несочетаемых позиций и, как следствие, организации среды более эффективного общественного развития. Если практики и уровень доверия часто разнятся от сообщества к сообществу, то долгосрочный взгляд – это фундаментальная основа, общий знаменатель, от которого можно отталкиваться при трансляции системы 3Д. Он имманентен индивиду, осознавшему свою роль в связи поколений и принявшему тот факт, что он не является ни началом жизни, ни ее концом, но лишь продолжением.

Категория многопоколенности, воспринимаемая как ценность предков и будущих поколений, уважение к истории и стремление к светлому будущему, забота о старших и любовь к детям, актуальна и для коллективистов, и для индивидуалистов, носителей самых разных ценностных систем и политических взглядов. Именно к этому восходит изначально долгосрочный взгляд, из которого рождается доверие, а за ним и умение договариваться.

¹ Бондинговый – ограниченный определенным сообществом.

² Бриджинговый – формирующийся поверх социальных групп.

Иллюстрацией данного тезиса служит знаменитая «дилемма заключенного», в которой решается вопрос о том, «предать или не предать». Если это многоходовая игра, игра вдолгую, то нельзя предать, поскольку иначе проигрыш в следующих циклах неизбежен. Жизнь – это всегда игра вдолгую, а жизнь общества, государства, страны – еще дольше. Поэтому общий для И-России и К-России подход состоит в том, чтобы сформировать долгий взгляд.

Рассматривая более практические меры укрепления взаимопонимания между представителями двух культурных ядер в долгосрочной перспективе, стоит выделить федерализацию. Такая мера будет способствовать более четкому проявлению потенциалов, и за счет миграции люди могли бы отчетливее осознать особенности каждой из систем, которые сегодня размыты и сложно воспринимаются обыденным сознанием. Следующим шагом будет сшивание этих потенциалов как результат целенаправленной политики, ключевым механизмом которой послужит поддержка естественного процесса, наблюдающегося повсеместно, а именно – создание агломераций. Мегалополисы становятся центрами притяжения для близлежащих территорий, благодаря плотной среде имеют более высокую производительность и открывают многочисленные возможности. Через маятниковую миграцию людей из коллективистских регионов в индивидуалистские и через разделение труда будут возникать симбиозы И-России и К-России.

Еще одним естественным фактором, способствующим преодолению раскола между И-Россией и К-Россией, является цифровизация. Посредством нее возникает новая неожиданная возможность: она позволяет выявить арбитров из числа инфлюэнсеров, которых признает и та, и другая культура и к суждению которых будет прислушиваться как И-Россия, так и К-Россия, расширяя границы договороспособности.

Социальная работа в стратегии 3Д-структуры открывает поля для создания коллаборативных институтов между И-Россией и К-Россией, составляя сегодня предмет наших поисков и экспериментов в крупных компаниях. Начат трехлетний проект в Сбере, направленный на сдвиг в целом экосистемы (около 300 тысяч занятых) в направлении 3Д-культуры. Аналогичные консультации проводятся с Т-банком. Вопрос о методике измерения договороспособности является наиболее проблемным, в то время как вопросы о фиксации параметров доверия большинству и долгосрочного взгляда в целом решены.

Наблюдаются позитивные тенденции и в государственных институтах. Так, Центральный банк РФ и Минфин России поддержали предлагаемую Стратегию повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры граждан до 2030 года, которая принята Правительством РФ в октябре 2023 года и индикаторами в которой установлены увеличение длины взгляда, повышение доверия институтам и межличностного обобщенного доверия. Теперь это ответственность таких регуляторов, как ЦБ РФ и Минфин России, в рамках программы развития финансовой культуры в России.

Сегодня часто можно встретить мнение о том, что индивидуалистский тип культуры постепенно вытесняет коллективистский и что связано это с урбанизацией как глобальной тенденцией, характерной в том числе и для России. На наш взгляд, картина не настолько прозрачна, как это хотят представить, всегда можно обнаружить скрытые слои. Большинство российских городов относятся все-таки к К-России, однако существуют значительные различия между, например, Ростовом-на-Дону и Ростовской областью.

Процесс изменения пропорционального объема каждого из культурных ядер, скорее, колеблющийся, чем линейный. Можно утверждать, что урбанизация пополняет И-ядро. Вместе с тем мы вынуждены признать, что эмиграция 2022 года коснулась только И-России, это была в основном эмиграция из мегаполиса. К-Россия, наоборот, в этих же условиях получила значительный импульс для развития и укрепления. Зачем уезжать из регионов, если оборонная промышленность на подъеме, привлекательные рабочие места формируются, военные контракты оплачиваются? Поэтому и И-Россия, и К-Россия по-разному относятся к СВО. В частности, для И-России – это трагедия, кризис фронтальной кампании, отъезд коллег и родственников, а для К-России – это выход из тридцатилетнего забвения, экономический подъем, включение в мировой процесс борьбы добра и зла. Поэтому соотношение И-России и К-России не является константой. Это процесс, чувствительный к разного рода историческим факторам, пульсирующий [Аузан и др. 2022].

Заключение

Подводя итог, укажем несколько принципиальных в контексте настоящей работы тезисов. Усреднение показателей оценки ценностей в международных исследованиях приводит к формиро-

ванию неточного понимания реальных социально-культурных характеристик общества. Так, Россия, имеющая средние значения по шкале ценностей «индивидуализм – коллективизм», в действительности демонстрирует наличие двух принципиально различающихся, географически обособленных культурно-ценностных ядер: индивидуалистского – для мегаполисов и Зауралья, коллективистского – для остальной части России.

И коллективистское, и индивидуалистское общества способны обеспечить эффективный модернизационный процесс за счет выстраивания органичной институциональной структуры. Однако наличие двух ядер внутри одной страны негативно сказывается на общем уровне доверия и договороспособности. Кроме того, каждое из ядер генерирует противоречивые сигналы власти, что делает практически невозможным создание целостной институциональной системы, отвечающей интересам каждого ядра.

Разработана система ЗД, направленная на уменьшение культурно-ценностного раскола российского общества. С учетом особенностей исторического развития для россиян долгосрочный взгляд нехарактерен. Однако его формирование представляется ключевым фактором гармонизации общества, способствующим построению общественного доверия и укреплению договороспособности носителей самых разных ценностных систем.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Антонов и др. 2019 – Антонов Е.В., Аузан А.А., Брызгалин В.А., Вороненко В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Трухачев С.А. Социокультурные факторы инновационной активности населения. – М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания, 2019.

Аузан 2014 – Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

Аузан 2022 – Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – М.: АСТ, 2022.

Аузан, Келимбетов 2012 – Аузан А., Келимбетов К.Н. Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 37–44.

Аузан и др. 2020 – Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Богданова А.А., Брызгалин В.А., Зельницкая Е.Н., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Подругина В.П., Припузова Н.А., Ситкевич Д.А., Трушина В.С. Социокультурные факторы инновационного развития в условиях коронакризиса. –

М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания, 2020.

Аузан и др. 2022 – Аузан А.А., Лепетиков Я.Д., Ситкевич Д.А. Колея и маятник: влияние лувшки предшествующего развития на динамику институциональных изменений // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 24–47.

Бахтигараева и др. 2021 – Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Никишина Е.Н., Припузова Н.А. Социокультурные особенности регионов России: общее и различия // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. № 5. С. 29–51.

Брызгалин, Никишина 2020 – Брызгалин В.А., Никишина Е.Н. Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможност использования социокультурного подхода в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 108–126.

Давыдов 2024 – Давыдов А.П. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Лотман 1993 – Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. – Таллин: Александра, 1993. С. 345–355.

Полтерович 2022 – Полтерович В.М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 31–43.

Полтерович 2023 – Полтерович В.М. Доклад 1 // Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество: материалы заседания 21 января 2023 года / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: Новые печатные технологии, 2023. С. 18–42.

Хантингтон 2003 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003.

Algan, Cahuc 2010 – Algan Y., Cahuc P. Inherited Trust and Growth // American Economic Review. 2010. Vol. 100. No. 5. P. 2060–2092.

Algan, Cahuc 2014 – Algan Y., Cahuc P. Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications // Handbook of Economic Growth. Vol. 2 / ed. by P. Aghion, S.N. Durlauf. – Amsterdam: North-Holland, 2014. P. 49–120.

Green et al. 2005 – Green E.G.T., Deschamps J.-C., Páez D. Variation of Individualism and Collectivism within and between 20 Countries. A Typological Analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2005. Vol. 36. No. 3. P. 321–339.

Hofstede 1993 – Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind // Administrative Science Quarterly. 1993. Vol. 38. No. 1. P. 122–134.

Hofstede 2001 – *Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors and Organisations across Nations / 2nd ed.* – Thousand Oaks, CA: Sage.

Schwartz 2006 – *Schwartz S.H. Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations // Measuring Attitudes Cross-Nationally – Lessons from the European Social Survey / ed. by R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva.* – London: Sage, 2006. P. 169–203.

Schwartz 2014 – *Schwartz S.H. National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // Handbook of the Economics of Art and Culture. Vol. 2 / ed. by V.A. Ginsburgh, D. Throsby.* – Amsterdam: North-Holland, 2014. P. 547–586.

REFERENCES

Algan Y. & Cahuc P. (2010) Inherited Trust and Growth. *American Economic Review*. Vol. 100, no. 5, pp. 2060–2092.

Algan Y. & Cahuc P. (2014) Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications. In: Aghion P. & Durlauf S.N. (Eds.) *Handbook of Economic Growth* (Vol. 2, pp. 49–120). Amsterdam: North-Holland.

Antonov E.V., Auzan A.A., Bryzgalin V. A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., & Trukhachev S.A. (2019) *Sociocultural Factors of Population Innovation Activity*. Moscow: Institute for National Projects; Russian Venture Company (in Russian).

Auzan A.A. (2014) *Economy of Everything. How Institutions Determine Our Lives*. Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber (in Russian).

Auzan A.A. (2022) *Cultural Codes of Economy. How Values Affect Competition, Democracy and the Welfare of the People*. Moscow: AST (in Russian).

Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bogdanova A.A., Bryzgalin V.A., Zelnitskaya E.N., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Podrugina V.P., Pripuzova N.A., Sitkevich D.A., & Trushina V.S. (2020) *Sociocultural factors of innovation development in the context of the corona crisis*. Moscow: Institute of National Projects; Russian Venture Company (in Russian).

Auzan A.A., Kelimbetov K.N. (2012) Sociocultural Formula of Economic Modernization. *Voprosy ekonomiki*. No. 5, pp. 37–44 (in Russian).

Auzan A.A., Lepetikov Y.D., & Sitkevich D.A. (2022) Path and Pendulum: The Influence of the Trap of Previous Development on the Dynamics of Institutional Change. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 24–47 (in Russian).

Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Nikishina E.N., & Pripuzova N.A. (2021) Sociocultural Characteristics of Russian Regions: Common Features and Differences. *Moscow University Economic Bulletin*. No. 5, pp. 29–51 (in Russian).

Bryzgalin V.A. & Nikishina E.N. (2020) Is There a Regional Culture in Russia? Opportunities of Using a Sociocultural Approach in Economics. *Voprosy ekonomiki*. No. 7, pp. 108–126 (in Russian).

Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159.

Green E.G.T., Deschamps J.-C., & Páez D. (2005) Variation of Individualism and Collectivism within and between 20 Countries. A Typological Analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 36, no. 3, pp. 321–339.

Hofstede G. (1993) *Cultures and Organizations: Software of the Mind. Administrative Science Quarterly*. Vol. 38, no. 1, pp. 122–134.

Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors and Organisations across Nations* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.

Huntington S. (2003) *The Clash of Civilizations* (T. Velimeeva & Y. Novikov, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Lotman Yu.M. (1993) “Contract” and “Self-Surrender” as Archetypal Models of Culture. In Lotman Yu.M. *Selected Articles in 3 Vols.* (Vol. 3, pp. 345–355). Tallinn: Alexandra (in Russian).

Polterovich V.M. (2022) Competition, Cooperation, and Life Satisfaction. Part 1: The Seven European Leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 15, no. 2, pp. 31–43 (in Russian).

Polterovich V.M. (2023) Report 1. In: Tosunyan G.A. (Ed.) *The Decline of Competition Society and Collaborative Advantage: Materials of the Meeting of January 21, 2023* (pp. 18–42). Moscow: Novye pechatnye tekhnologii (in Russian).

Schwartz S.H. (2006) Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations. In: Jowell R., Roberts C., Fitzgerald E., & Eva G. (Eds.) *Measuring Attitudes Cross-Nationally – Lessons from the European Social Survey* (pp. 169–203). London: Sage.

Schwartz S.H. (2014) National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance. In: Ginsburgh V.A. & Throsby D. (Eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture* (Vol. 2, pp. 547–586). Amsterdam: North Holland.